Мейерхольд Вавилов

29.2.96.

СИД

Де-Линь

Иду на Вы

Драматический отрывок, написанный по методу д-ра Богословского и отнюдь не заимствованный из "Смерти Иоанна Грозного"

На дворе февраль – мейерхольдовский месяц. В феврале он появился на свет, в феврале погиб. С этим месяцем таинственно связаны многие события его жизни, например, давно и заштампованно воспринимаемая как некое роковое предвестье петербургская премьера "Маскарада" со знаменитым "Несчастье с вами будет в эту ночь" – 25 февраля 1917 года. На февраль же – только 1903-го – приходится триумфальное завершение первого его режиссерского сезона в Херсоне: торжество театра, восхищенное единение критики и зрительного зала, спецвыпуск городской газеты на китайском шелке, серебро монограмм и "золото" благодарственных слов в прощальных адресах.

Недавно ("ЭС" № 46, 1995) в "Открытом архиве" опубликовал пьесу херсонского фельетониста Михаила Линского, де-Линя, "К открытию сезона". Сегодня – второй стихотворный опус де-Линя. Однако это не просто еще одна страница в судьбе Мейерхольда, следующая за предыдущей и предваряющая очередную, – страница важная. Ибо те пять месяцев, с сентября по февраль 1903-04 годов, в некотором смысле тоже можно считать временем рождения Мейерхольда, Мейерхольда самостоятельного. Не того, о котором сам Мастер много лет спустя скажет, что он начинал с рабского подражания Станиславскому, а того, которым будут восторгаться и которого будут бить (и убьют) за независимость, за непохожесть, жажду и способность стать и остаться самим собой.

Второй херсонский сезон мало чем походил на минувший. Со своим компаньоном Мейерхольд расстался, Кошеверов не разделял его бурного увлечения новой западноевропейской драмой, а тем паче символизмом, увлечения, приобретшего отныне вполне определенные формы. Труппа получила название Товарищество новой драмы, и в репертуар предполагалось включать в основном и прежде всего пьесы Метерлинка, Гауптмана, Ибсена, Пшибышевского, Шницлера. Присвоив труппе новое название, Мейерхольд недвусмысленно заявил и об отказе от эстетики Московского Художественного театра, таким образом, неизбежно становясь перед проблемой создания нового сценического языка. Памятуя о недавнем триумфе, режиссер верил, что город поймет и поддержит на этом пути. Однако уже неделю спустя после открытия сезона писал А.П.Чехову: "Хотелось бы выбраться из этой ямы – Херсона. Холостой выстрел!". А через месяц с небольшим (26 октября) де-Линь опубликовал фельетон "Иду на Вы". За этот месяц зал городского театра опустел почти наполовину.

Что же произошло?

А дело в том, что Мейерхольд, то ли по неопытности, то ли в увлечении, упустил из виду одну деталь, оказавшуюся для многих провинциалов решающей. Год назад его ждали и принимали как посланца Москвы, посланца МХТ (благо, публике не пришлось разочароваться: уроки Станиславского и Немировича их ученик усвоил и освоил в совершенстве). Местным театралам все это льстило, они даже стали называть труппу херсонским Художественным театром. Теперь же у Товарищества новой драмы такой "крыши" не было – Мейерхольд сам публично от нее отрекся. Стоило исчезнуть, рассеяться флеру всероссийской славы, престижности, как от труппы, зевая, отвернулись первые ряды кресел – влиятельная и самая денежная публика. Мейерхольд сам по себе, не Мейерхольд – "художественник" интересовал ее гораздо меньше. Присутствовать, а тем более участвовать в его поисках и экспериментах охоты не было. Если в прошлом сезоне необычный для провинции репертуар как бы оправдывался маркой Московского Художественного театра, то теперь он раздражал. От Мейерхольда требовали развлечений. А он не хотел развлекать, по крайней мере, бездумно развлекать (возможно, в чем-то перегибал палку).

Атмосфера вокруг театра накалялась, и в конце концов по городу поползли слухи, будто труппа намерена перебраться в Николаев. Де-Линь, по-прежнему неотступно следивший за Мейерхольдом и фиксировавший в газетных выступлениях все перипетии, написал тогда: "Все заволновались. Вспомнили поговорку: "Что имеем – не храним, потерявши – плачем", и решили бить челом г.Мейерхольду с просьбой остаться".

14 октября состоялась премьера комедии Г.Гауптмана "Коллега Крамптон", и, по свидетельству фельетониста, "зрители уже не куксились. Наоборот, они хохотали до упаду и шумной овацией выразили г.Мейерхольду свою признательность". Три дня спустя Мейерхольд через газету уведомил херсонцев, что уезжать никуда не думает. Все это дало де-Линю основание заключить, что "примирение между публикой и антрепренером состоялось. Теперь все пойдет, как по маслу". Однако не пошло, да и пойти не могло. Древний девиз "Иду на Вы" как нельзя лучше подходил Мейерхольду, только для него он означал не "примиряюсь с публикой", а "с открытым забралом иду в бой за публику". Мейерхольд не уступал, продолжая бороться за репертуар, продолжая искать. Эта борьба дорого ему стоила: в разгар сезона хлынула горлом кровь и врачи прописали строгий постельный режим. Тем не менее он не сдался. И – выиграл сражение. Недовольные в зрительный зал не вернулись, но оказалось, что театр Мейерхольда сумел завоевать собственного зрителя. Отныне и до веку залы его театра будут далеко не всегда полны, но свой зритель останется с ним навсегда.

В феврале (и снова феврале) 1904-го, подводя итоги сезона, один из газетчиков писал: "Это были лучшие, светлые страницы в истории херсонского городского театра. (...) Несмотря на многие неблагоприятные условия, не сдаваясь на компромиссы, не гоняясь за дешевым успехом и барышом, Мейерхольд энергично вел литературно-художественный репертуар, приучил публику к добросовестной, художественной постановке пьес, поднял на должную высоту значение режиссерской части".

Наталия ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.

Г.Мейерхольд сидит, окруженный "сотрудниками". Он в жестокой задумчивости, между бровей глубокая морщина, в глазах огонь негодования, на устах готовое сорваться проклятие.

Стук в дверь.

МЕЙЕРХОЛЬД *(очнувшись).*
Кто там?
Войди!
(Входит Вестник).
Зачем пришел?
ВЕСТНИК
Принес я вести важные.
МЕЙЕРХОЛЬД
Поведай их скорей!
ВЕСТНИК
В курантах нынче пишут,
Что мыслишь ты покинуть град Херсон:
"Пускай-де он от скуки погибает,
Коль труппы он моей не хочет оценить.
Свои стопы направлю в Николаев,
И скоро-де я полоню его!"
МЕЙЕРХОЛЬД
То слухи лживые!
Не мыслил я уехать!
Об этом и в курантах известил
Я публику давно. *(Помолчав).* Еще какие вести?
ВЕСТНИК
О, вести важные! Усиленно толкуют,
Что стал Мефодьев труппу набирать[1]
МЕЙЕРХОЛЬД
А! Из любителей.
Из горе-лицедеев?
ВЕСТНИК
Да, из любителей!
И мыслит он, предерзкий,
Игрою их затмить театр твой.
МЕЙЕРХОЛЬД *(искренно хохочет).*
Но где ж любители те будут подвизаться?
ВЕСТНИК
А в "Помощи"?[2] Уж сцену там готовят.
До сей поры там в "тетку" лишь играли.
Теперь пойдет игра другая.
МЕЙЕРХОЛЬД *(со смехом).*
Азартная?
ВЕСТНИК *(убежденно).*
Азартная!
И особливо в драме!
Коль в раж войдут любители,
Не помнят
Они себя – крушат, кричат и стонут,
И мечутся по сцене, как шальные.
МЕЙЕРХОЛЬД
Но будет ли доволен грозный Купчик[3]
Любительской игрой? Ведь и она
"Азартна"!
ВЕСТНИК
В редакцию он вновь напишет
И пригрозит проклятьем и доносом.
МЕЙЕРХОЛЬД
И пусть его! *(Помолчав).* Еще какие вести?
ВЕСТНИК
Сейчас с Военного[4] гонец мой прискакал
И рассказал, что там не все спокойно:
Со страхом ждут-де жители форштадта
С минуты на минуту представленья.
МЕЙЕРХОЛЬД *(с ужасом).*
Как? Светопреставленья?
ВЕСТНИК
Почти того. Любительскою труппой
Разыграна там будет пьеса "Тайна".[5]
С Суворовской[6] гонец мне весть принес,
Что артистический кружок готовит ряд спектаклей;
Поставят-де их так, что даже Станиславский,
Увидя то, затрясся бы от злости
И в муках зависти всю жизнь свою терзался.
Гонец с Забалки[7] мне доставил весть,
Что даже там уж начались спектакли.
МЕЙЕРХОЛЬД *(с ужасом).*
О, бедные херсонцы! Столько бед
Обрушиться на вас не может разом!
Подать сюда афиши всех спектаклей!
ГУРЬЕВ*(Читает и не верит своим глазам).*

О, Мейерхольд!
Дозволь мне слово молвить!
МЕЙЕРХОЛЬД
Ну, говори.
ГУРЬЕВ
Я дам тебе совет:
Вели немедля пригласить херсонца
Из тех, которые усердно посещали
Театр твой, и расспроси его,
По сердцу ли ему любителей затея
И как он смотрит на нее. Да, кстати, разузнай,
Что нужно публике – комедию иль драму?
Ведь уж давно нас сей вопрос тревожит,
Так разрешим его.
МЕЙЕРХОЛЬД
Совет твой недурен. *(Отдает распоряжение).*
Позвать ко мне херсонца!
А в ожидании его я, горем преисполнен,
Покаяться хочу. Ступай в театр, о, Гурьев,
И там ты в режиссерской, в шкафу, на верхней полочке
Найдешь начатый мной синодик.
Неси его сюда.
(Гурьев уходит).
Ни одного из тех,
Которых я убил собственноручно,
Которых вся моя пытала труппа,
Я не оставил без поминовенья,
И даже зрителей в синодик я вписал,
Городовых, пожарных, билетеров.
Ну, словом, всех, кто волей иль неволей
Свидетелем расправы нашей был.
(Гурьев возвращается.)
Да, это тот синодик. Читай же громко, Гурьев!
И если я кого припомню, ты того и впишешь.
ГУРЬЕВ *(читает).*
О, Мельпомена, упокой
Ты действующих лиц, которых мы жестоко
Замучили в комедиях иль в драме:
Вдову Гурмыжскую, Буланова Алешу,
Генадья да Аркашку – лицедеев
И верного слугу Гурмыжской – Карпа,
Да зрителей, что пьесу ту смотрели,
Числом не более двух сотен человек!
Увы! Тогда скончались в адских муках
Пожарных два, да столько ж билетеров,
Да музыкантов шесть, фамилии же их
Ты веси, Господи!
ВСЕ *(с покаянным воплем).*
Ох, грешны мы!
(Собираются продолжать чтение синодика, но в это время входит привратник и говорит, обращаясь к Мейерхольду).
ПРИВРАТНИК
К тебе пришел херсонец.
Прикажешь пригласить?
МЕЙЕРХОЛЬД
Зови его сюда! *(К сотрудникам).*
А вы ступайте прочь.
Я с ним наедине поговорить хочу.
(Все уходят. Входит зритель. Лицом и манерами чрезвычайно походит на волхва, появляющегося в 3-м акте "Смерти Иоанна Грозного).
МЕЙЕРХОЛЬД
Садись. *(Зритель садится. Пауза).*
Давненько я не видел
Тебя в театре! Последний раз ты был,
Когда сезон мы Горьким открывали;
С тех пор от нас ты сердце отвратил.
Скажи, чем провинились мы?
ЗРИТЕЛЬ
Ничем.
МЕЙЕРХОЛЬД
Но почему же ты,
Допреж театр наш усердно посещавший,
Вдруг перестал бывать?
ЗРИТЕЛЬ *(уклончиво)*
Так... Некогда... Дела...
МЕЙЕРХОЛЬД *(явно не веря).*
Дела?
Гм! Не верится мне что-то!
Ну, так и быть! Призвал тебя я ныне.
Чтобы с тобой держать *(маленькая внутренняя борьба)* держать совет.
Он очень нужен мне. Скажи, что делать,
Чтоб публикой мне снова завладеть,
Чтоб отвратить мне гибель предприятья
И, кассу охранив от истощенья,
В конец врагов моих жестоких поразить?
ЗРИТЕЛЬ *(недоумевающе).*
Врагов? Каких врагов?
МЕЙЕРХОЛЬД
А разве ты не слышал?
Теснит нас рать любителей теперь.
Нам с запада грозит Пономарев,
С востока шлет Горшков нам грозный вызов,
На севере мефодьевская рать,
А с "Юга"... ох! Де-Линя фельетоны!
ЗРИТЕЛЬ
Не бойся их! Они тебе не страшны!
Пошли навстречу им ряд превосходных пьес
С прекрасно срепетованным ансамблем,
Хотя бы "Трех сестер" совместно с "Дядей Ваней",
Комедии подбавь иль Шницлера, иль Фульда.
МЕЙЕРХОЛЬД *(испуганно).*
Нет!
Шницлера нельзя! И так уж говорят,
Что вместо Шницлера у нас лишь "венский шницель".
ЗРИТЕЛЬ
Да мало ли комедий и у нас,
Своих, российских? Можно их поставить.
Конечно, в них вы не найдете "вицов"
Таких, какими уснащает Шницлер
Комедии свои, но все же.
МЕЙЕРХОЛЬД *(перебивая).*
Нет, не говори!
Комедья русская топорна, лапидарна.
Вот то ли дело – Бар, иль Шентан, иль Сарду.
(умиляется)
Ну ладно, я совету твоему
Последую. Верну комедью из опалы.
Верну, а там посмотрим, что-то будет!
(Приняв решительный вид, идет к двери, распахивает ее и кричит).
Послов немедленно к Россохину отправить,
Пусть привезут все новые комедьи!
А мы меж тем Шекспира разыграем.
Вооружимся мы мечами боевыми,
Мы закуем свои тела в доспехи
И в смертный бой с любителями вступим.
Нам сборы полные наградою послужат.
Итак, вперед! Вперед, мои актеры,
"Сотрудники" мои на бранном поле!
Вы, Снегирев, Нелидов, Костромской,
Ты, Блюменберг, и вы, моя гордыня, –
Мунт и Будкевич! – Мы силой боевою
На равнодушье публики ударим
И разобьем его. Не правда ли, друзья?
В нас много сил! За нас само Искусство!
Вперед! Вперед! О, как кайенский перец,
Нещадно жечь сердца начнет герой Киенский
И победит их! Да! *(жмет руку зрителю).*
Спасибо за совет!
(Бросает публике вызов).
Иду на Вы!
(Занавес с шумом падает).

[1] *Труппа любителей драматического искусства под руководством Мефодьева существовала в Херсоне не один год.*

[2] *Благотворительное общество "Помощь" – в его клубе играли любители драматического искусства под руководством Мефодьева.*

[3] *Местный ревнитель благонравия и защитник нравственных устоев.*

[4] *В Военном форштадте играл Народный театр.*

[5] *Очевидно, речь идет о пьесе Н.Николаева (Н.Н.Куликова).*

[6] *На Суворовской улице существовал любительский артистический кружок.*

[7] *На Забалке играли любители – члены Попечительства о народной трезвости под управлением Горшкова и Пономарева.*

экран и сцена